Лимонов Э. 10.3.92.

ГОСТЬ «МОСКОВСКОЙ ПРАВДЫ»

Эдуард ЛИМОНОВ:

Моск. правда. — 1992. — 10 мар.

Теперь моя страсть — политика

Застать Эдуарда Лимонова в «меблированных комнатах», которые он на время пребывания в Москве снял в доме на улице Герцена, оказалось не так просто. День этого человека заполнен всевозможными встречами, визитами, выступлениями, телесъемками, а журнальный столик завален книгами, журналами, справочниками. В кармане — билет в Красноярск, затем в Париж, в планах — выступления в ЦДЛ, в Останкине и опять же встречи, встречи...

— Ваш роман «Это я — Эдичка», отвергнутый тридцатью шестью издательствами Америки, преданный огню русской эмиграцией в Сиэтле, переведенный на многие европейские языки, наконец издан и на вашей родине. Связан ли ваш очередной приезд в Москву с этим событием, или вы приехали, чтобы получить материал для новых книг, статей, встретиться с друзьями?

— У меня были многие побудительные причины для поездки — от простого любопытства до желания найти себя здесь. Что касается друзей, то я их давно растерял, кое-кто погиб. Так что частных встреч у меня почти нет. Виделся лишь с одним приятелем юности на Конгрессе российских гражданских и патриотических сил.

Конечно, у меня есть определенные обязательства перед московскими издателями, 1 марта в ЦДЛ состоялся мой творческий вечер. Однако почти все мои интересы сейчас скорее лежат в области политики. В том числе — творческие. Так, например, перед отъездом в Москву я заключил договор с одной из французских продюсерских фирм сделать документальный фильм о правой оппозиции в бывшем СССР. Так что, если ничто не помешает, будет снят фильм на 52 минуты для второго канала французского телевидения.

Однако как литератор, журналист я уже давно участвую в процессе «поправения» страны. Мне, например, было приятно узнать, что Алкснис читал мои статьи и, когда обнаруживал сходство наших взглядов, это, по его словам, придавало ему определенную уверенность. Но мне бы хотелось принять непосредственное участие в патриотическом движении. Поэтому я отношусь ко всему, что происходит сейчас в стране, не как журналист, а как участник событий.

— Патриотическое движение весьма разнородно, объединяет множество партий, группировок. Отдаете ли вы кому-либо предпочтение?

— Один из моих знакомых принес мне двухтомный справочник с информацией о различных партиях, движениях, политических группировках в Советском Союзе (язык не поворачивается сказать — в бывшем). Я с интересом изучаю разные политические программы, хотя, понятно, наиболее полную информацию можно получить лишь при посещении штаб-квартир, личных встречах с людьми. Мне уже удалось побеседовать с Жириновским, Алкснисом, Бабуриным, другими лидерами, запланированы новые встречи. Меня интересуют боевые движения — энергичные, динамичные. Болтовня уже надоела. Я видел немало позеров, бывших функционеров компартии, пытающихся пристроиться к новой власти и активно использующих для этого трибуны. Становиться похожим на них я не хочу. Нужны уже не разговоры, а конкретные акции.

— Герой романа «Это я — Эдичка» несколько раз говорит о том, что ему «пострелять хочется». Не имеете ли вы в виду именно такие «конкретные акции»?

— Эдичка навсегда остался на улицах Нью-Йорка. Ему навечно 30, и он живет на Бродвее. А автор после этого написал еще 19 книг. Автор глубже, умнее, сильнее героя своего первого романа.

Нет ничего противоестественного в том, что я хотел бы найти свое место в политике. Почему нередко люди весьма пустые, не имеющие никаких идей, считают возможным для себя участвовать в политическом процессе, декларируют всяческие глупости и по телевидению, и в газетах? В конце концов у меня гигантский опыт жизни за границей, много информации, какой не располагает ни один человек из живущих здесь. Поэтому я считаю, что могу принести большую помощь Отечеству.

Меня убивает, когда я слышу, что здесь скучно жить, особенно от молодежи. Можно признать, что жить здесь тяжело, но только не скучно. Люди на Западе поколениями ждут такой ситуации, которая сложилась сейчас в Советском Союзе. Как ни смотри на это — слева или справа, но здесь в данный момент можно кем-то стать. Никому не известные ранее люди — инженеры, парикмахеры, юристы — становятся лидерами партий, занимают заметные места в политике. Во времена моей молодости о таком и мечтать не приходилось. То, что происходит здесь, не банально. Это чрезвычайно меня возбуждает.

— Однако если вы желаете принять активное участие в патриотическом движении, в политике, то это предполагает ваше пребывание здесь, а не в Париже?

— Конечно, жить надо по возможности здесь. В конце прошлого года по моему требованию мне вернули советское гражданство. Хотя процесс «оформления» длился почти год. Теперь у меня двойное гражданство. Как своего рода компенсация за то, что 13 лет у меня не было вообще никакого гражданства, что создавало массу трудностей.

Однако главный вопрос заключается в том, нужен ли я здесь, найду ли себе конкретное применение. Я со страстью, отношусь к политике, но, повторяю, мне хотелось бы активных действий.

Почему Жириновский многих отталкивает? Потому что у него несколько необычная для советских политиков напористая манера. Он кажется слишком энергичным, агрессивным. Хотя на Западе такая манера очень распространена. И, может быть, это — будущее политики здесь.

— Мне кажется, что у нас сейчас чересчур много агрессивности — и в быту, и в политике. Но это разрушительная сила, а куда уж дальше рушить? Агрессия, думаю, в любом проявлении пугает и отвращает.

— А вас не пугает, что сейчас у власти находится президент с данными ему законодательно чрезвычайными полномочиями? Если он захочет все их применить, то это приведет к такому тоталитарному режиму, какой раньше и не снился. Вас не отвращает та неконституционная манера, с какой был осуществлен роспуск Советского Союза? Меня это испугало до такой степени, что я готов голосовать за Жириновского, если он сможет сделать что-то в противовес такой политике.

— Ваши позиции разительно отличаются от взглядов большинства советских писателей, выехавших за рубеж в те же годы, что и вы, и по сходным причинам. Среди них у вас столь же много оппонентов, как и здесь. В чем, на ваш взгляд, причина?

— Общественно - политические взгляды человека зависят от его темперамента, воспитания и еще от очень многих причин. Важную роль играет и то, что я никогда не был советским писателем. У меня до отъезда здесь не было напечатано ни строки, в то время как, допустим, Аксенов, Войнович активно публиковались в советских журналах, издательствах, были обласканы и обруганы и уезжали со славой писателей-диссидентов.

Разница между мной и ими еще и в том, что многие писатели, как выехавшие за рубеж, так и оставшиеся здесь, — выходцы из буржуазии. А я родился в простой семье. Так что, конечно, у меня совершенно иной социальный, жизненный опыт, другое воспитание, взгляды. Как писатель, я никогда не был частью социалистической системы, не мыслил по официальным социалистическим меркам. В результате, как ни парадоксально, получился такой вот патриот того, что раньше называлось Советским Союзом. Теперь я называю себя российским патриотом. Заметьте — не русским, а российским патриотом. Это понятие значительно шире.

На Западе патриотизм считают нормальным, необходимым чувством в политике. Здесь слово «патриот» долгое время было ругательным. Но теперь оно успешно реабилитируется. Надо сказать, что все великие русские писатели были патриотами, а иногда и милитаристами. Так, например, Пушкин в записях к «Пугачеву» упрекал Екатерину в том, что она не воспользовалась Французской революцией и не захватила Польшу целиком. Если бы автор «Севастопольских рассказов» узнал, что сегодня Севастополь отдают другому этническому государству, он бы перевернулся в гробу и проклял потомков.

— Вы считаете СНГ сейчас самой «горячей точкой» планеты, почему, по вашим словам, и стремитесь сюда. Однако в Москве не так «горячо», как в других регионах страны. Не планируете ли вы побывать и там?

— В Москве — центр, но я хочу побывать повсюду. Сейчас у меня не так много времени, но если все нормально сложится с телефильмом, то я вновь приеду сюда в начале апреля. И тогда хочу поехать и в Приднестровскую республику, и в Южную Осетию, и к казакам на южные границы. Там, очевидно, сейчас начинается то, что происходит в районах Хорватии, населенных сербами.

Я был в декабре в Югославии — в зоне боевых действий. Это первая война на территории Европы за последние 45 лет. Мне хотелось все лично увидеть, почувствовать, вдохнуть воздух войны. Для писателя это естественное желание. Удивляюсь, почему советские литераторы проявляют инертность и аполитичность, не едут в «горячие точки», в ту же Осетию.

На территории страны идут локальные гражданские войны. 25 миллионов русских отдали «за границу» без их согласия. Не поставлен предел распространению этнических национализмов. Разве при всем этом можно оставаться равнодушным, инертным, бездеятельным или продолжать говорить о каких-то реформах? Если некоторое время назад и можно было бы что-то решить реформами, то теперь лишь сильный политический режим сможет спасти страну, и прежде всего народ.

— Вы придерживаетесь крайне правых взглядов, тем не менее сразу по приезде приняли участие в вечере «Московского комсомольца», газеты явной левой направленности, даете интервью самым различным изданиям. Вам безразлично, где выступать?

— Свои политические взгляды я готов высказывать во всех газетах, начиная от «Курантов» и до «Дня». Печатал меня, похабно подавая, «Огонек», публиковали «Известия», «Собеседник», «Московский комсомолец» и так далее. Я ответственен только за свои тексты, а за направление газеты никакой ответственности не несу.

— Из 20 ваших книг у нас пока издан лишь один роман, в то время как с творчеством других писателей русской эмиграции мы познакомились уже довольно в полном объеме. Будут ли здесь изданы другие ваши произведения?

— Советские читатели еще в 1989 году смогли в журнале «Знамя» прочесть мое произведение «У нас была великая эпоха», которое тоже вызвало недоумение и неприятие, хотя так называемых «неприличных» слов там не было. Но были «ненормативные» герои — военные с золотыми погонами. Сейчас готовится к изданию на русском языке последний из написанных мной романов «Иностранец в родном городе», недавно вышедший на французском. На очереди и мой «Дневник неудачника». Можно было бы, конечно, издать и другие книги, но надо делать все постепенно. Нельзя обрушивать на читателя все сразу и как бы обесценивать его доступ к писателю.

— Если вы думаете вернуться, то не боитесь ли, что станете здесь «иностранцем в родном городе»?

— Нет. Я здесь уже — легенда. Меня все принимают. Главное — найти свое место.

Беседу вела
Л. ФОМИНА.

На снимке: Э. Лимонов в Югославии.